

М. М. Дандамаева, Н. В. Козлова

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИГОРЯ МИХАЙЛОВИЧА ДЬЯКОНОВА

13–15 января 2015 г. в Государственном Эрмитаже и в Институте восточных рукописей РАН состоялись юбилейные Дьяконовские чтения. Чтения памяти И.М. Дьяконова, начиная с 2005 г., регулярно проходят в Санкт-Петербурге и в Москве, для российских ассириологов стало уже традицией представлять на них итоги своих исследований. В 2015 г. в честь 100-летия со дня рождения Игоря Михайловича конференция приобрела более масштабный международный характер.

Мемориальные конференции нередко похожи на людей, памяти которых они посвящены. Это в полной мере относилось к юбилейным Дьяконовским чтениям. Их тематика соответствовала широте научных интересов Игоря Михайловича. Доклады были посвящены различным областям ассириологии, урартологии, хеттологии, хурритологии, семитологии, среди участников конференции были специалисты по политической и экономической истории Месопотамии, по религии и литературе, лингвисты и археологи.

Символичным был сам по себе выбор мест проведения конференции. С Эрмитажем и Институтом восточных рукописей РАН была связана вся научная деятельность И.М. Дьяконова. В конференции приняли участие ученики Игоря Михайловича из Санкт-Петербурга и Москвы и ученики его учеников, приехали также коллеги из Армении, Украины, Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, Турции, Израиля, Китая. Игорь Михайлович был одним из немногих востоковедов своего времени, хорошо известных за рубежом. Участие в конференции молодых зарубежных ученых – одно из свидетельств этому.

Во время заседаний и в кулуарах прозвучало много воспоминаний об Игоре Михайловиче, конференция прошла в очень теплой атмосфере. Ее эмоциональным пиком стала демонстрация фильма А.И. Янковского «Киркенесская этика. Игорь Михайлович Дьяконов», благодаря которому участники чтений смогли увидеть на экране Игоря Михайловича, делившегося своими размышлениями о жизни и нравственности.

Во время конференции было прочитано 26 докладов, которые планируется издать в серии «Труды Государственного Эрмитажа». Предлагаем краткую ин-

Дандамаева Мариям Магомедовна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Государственного Эрмитажа.

Козлова Наталья Викторовна – заведующая Отделом Востока Государственного Эрмитажа.

формацию об этих докладах читателям «Вестника древней истории» – журнала, к которому Игорь Михайлович всегда относился с живым интересом и где часто публиковал свои работы.

В первый день конференции было представлено 10 докладов.

В докладе *Дж.Н. Постгэйта* (Кембриджский университет, Великобритания) «Храм Набу в Кальху и его клиента» шла речь о текстах из храма Набу, раскопанного М. Мэллованом в 1956 г. Большинство из них составляют документы о займах зерна у храма отдельными людьми, записанные на так называемых буллах – глиняных ярлыках треугольной формы со сквозным отверстием от веревки. В докладе рассмотрен социальный контекст этих документов, особое внимание уделено отождествлению заемщиков, размерам займов, процентам и штрафам за просроченные выплаты, датировке сделок. Далее кратко описан особый тип документов, также представленный среди текстов из храма Набу: посвящение одного или нескольких людей в храм, иногда «ради жизни» правящего царя. В целом рассмотренные в докладе документы характеризуют роль храма в обществе в одном из важнейших ассирийских городов в VII в. до н.э.

Л.Е. Коган (РГГУ, Москва) в докладе «Этимологический словарь аккадского языка. Первые итоги» подвел итоги первого года работы над проектом, который он реализует в сотрудничестве с М. Креберником (Йена) и М. Штреком (Лейпциг). На примере нескольких десятков этимологических статей для лексем, начинающихся с *p-*, Л.Е. Коган разъяснил методологические основы проекта, проанализировал структуру этимологической статьи, продемонстрировал роль и место филологического подхода при этимологическом анализе лексики древнеписьменных семитских языков.

Доклад *С. Вана* (Сычуаньский университет, Китай) «Храмы Месопотамии до образования шумерского “храмового города”» был посвящен анализу роли храмов в экономике ранней Месопотамии. В нем говорилось о модели шумерского «храмового города» (Temple-City/ Tempelstadt), которая изначально базировалась, прежде всего, на административных документах из Лагаша Раннединастического (РД) периода IIIb, и возможности ее применения к предшествующим историческим периодам – начиная с периода Поздний Урук и вплоть до ранних этапов РД. С. Ван показал, что храмы были частью той инфраструктуры, которая способствовала грандиозному экономическому подъему в Южной Месопотамии в указанные периоды, и в этом следует видеть их историческое значение.

В докладе *В.В. Аврутиса* (Институт археологии им. Зинмана Хайфского университета, Израиль) «Культурно-торговые связи Египта и Южного Леванта в эпоху ранней бронзы. Взгляд из Нешер-Рамла, Израиль» был дан обзор культурно-торговых связей Южного Леванта с Египтом во второй половине IV тыс. до н.э. с учетом материала недавних археологических раскопок, проводимых Институтом под руководством Ш. Коль-Якова на территории карьера бетонного завода Нешер-Рамла в Израиле, и, в частности, находок раскрытого там обширного некрополя, датированного заключительной фазой ранней бронзы I.

Ж. Мас (Льежский университет, Бельгия) в докладе «Частное или государственное? Новая гипотеза о реконструкции экономической системы Верхней Месопотамии эпохи бронзы» представила источники, позволяющие судить о соотношении частного и государственного компонентов в экономике Северной Месопотамии. Она отметила, что, судя по археологическим данным, частные ремесленные мастерские, располагавшиеся в частных домах, отличались высокой производительностью и специализацией труда, в то время как, согласно письменным источни-

кам, дворец и храмы были ключевыми элементами экономической системы, и высказала предположение, что государственная администрация обеспечивала в ряде случаев сырье для производства, наемную рабочую силу, а также занималась распределением произведенной продукции, тогда как собственно процесс производства не происходил во дворце.

В докладе *Е.В. Маркиной* (РГГУ, Москва) «Царское присутствие в Гасуре» были проанализированы все случаи упоминания царя и его ближайшего окружения в документах из Гасура саргоновского периода (2334–2154 гг. до н.э.), дана их оценка с точки зрения существующих в науке гипотез – во-первых, о непосредственном управлении Гасура царской администрацией и, во-вторых, о так называемых царских путешествиях, предположительно предпринимавшихся как минимум двумя последними царями династии Саргонидов (Нарам-Сином и Шаркалишарри) по политически значимым поводам. Также в докладе были рассмотрены хронологические импликации таких упоминаний.

В.К. Афанасьева (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) в своем докладе «Храм в литературе Шумера» рассмотрела соотношение традиционной и оригинальной лексики при описании храмов в храмовых гимнах, составляющих уникальный памятник шумерской литературы – текст *é-ù-nig*, и пришла к выводу, что наличие оригинальных метафор и эпитетов в этом сборнике гимнов позволяет говорить об авторском сочинении и подкрепляет высказанное ранее предположение, что сборник частично был написан, а не просто составлен дочерью Саргона Энхедуаной.

Доклад *В.В. Емельянова* (Санкт-Петербургский государственный университет) «Группы изгоев в текстах Гудеи» был посвящен анализу терминов, которыми в надписях энси Лагаша Гудеи (XXII в. до н.э.) обозначены изгои – лица, удаленные из города перед началом строительства храма бога Нингирсу. Были предложены новые этимологии, чтения и переводы шумерских лексем, а также поставлены вопросы о календарной и исторической датировке изгнания нечистых как в шумерских текстах, так и в двузвучных пояснительных текстах, комментирующих шумерские месяцы и праздники.

В докладе *С.В. Григоричина* (Нежинский государственный университет им. Н.В. Гоголя, Украина) «К дискуссиям о каноничности шумерской литературы из Ниппура» был дан обзор имеющихся в науке точек зрения по поводу понятия каноничности применительно к шумерским литературным текстам из Ниппура и сделан вывод, что понятие «ниппурский канон» является анахронизмом с точки зрения исторического подхода в ассириологии, однако может служить рабочей гипотезой для частичной реконструкции религиозных представлений жреческой элиты города Ниппура старовавилонского периода.

Доклад *Р.М. Нуруллина* (РГГУ, Москва) «К интерпретации топонима Хамран в старовавилонской версии «Эпоса о Гильгамеше» был посвящен обсуждению топонима Хамран во фрагменте текста эпоса, написанном на сравнительно недавно опубликованной табличке из коллекции М. Скёйна. Была предложена возможная идентификация и локализация этого топонима.

14 января, в среду, во второй день конференции было представлено девять докладов.

В докладе *Н.В. Козыревой* (ИВР РАН, Санкт-Петербург) «Городское население Южной Месопотамии в начале II тыс. до н.э.» была рассмотрена социальная структура городского населения в старовавилонский период. Выделение различных социальных страт, оценка их статуса и материального положения по-прежнему

остается проблематичным, так как клинописные тексты содержат лишь косвенную информацию по этому поводу. Одним из способов решения этого вопроса, с точки зрения автора, может быть сопоставление данных письменных и археологических источников. В частности, некоторые сведения об административном или профессиональном статусе и семейном имуществе городских элит города Ларсы можно найти в документах купли-продажи, судебных протоколах и письмах. Археологические раскопки одного из жилых кварталов Ларсы подтверждают эти данные.

Доклад *М.А. Рединой-Томас* (ИВР РАН, Санкт-Петербург) «Топонимы и земельные планы в среднеавилонских документах из Ниппура» был посвящен рассмотрению двух документов, происходящих, вероятно, из среднеавилонского Ниппура и представляющих собой планы земельных наделов с указанием названий близлежащих поселений и водоемов. Некоторые из этих топонимов встречаются также в других документах среднеавилонских ниппурских архивов, которые, по мнению автора, являются, наряду с текстами *стел-кудурру*, важным источником по топонимике провинции Ниппур и соседних территорий.

А.А. Немировский (ИВИ РАН, Москва) посвятил свой доклад «Загросское и транс-загросское направление во внешней политике касситской Вавилонии (XVI–XIII вв. до н.э.)» свидетельствам клинописных текстов о завоевательных походах касситов. Как показал автор, ряд источников позволяет судить об устойчивом (транс)загросском направлении экспансии касситской Вавилонии. Агум II прокламирует себя как господин загросского ареала касситов и «всей страны кутиев»; Куригальзу II покоряет горные области, смежные с Эламом, и сам Элам «вплоть до Мархаши». После возможного перерыва это направление возобновилось, и, как видно из перечня стран в одной из надписей Тукульти-Нинурты, экспансия охватывала даже прежнюю ассирийскую сферу влияния на Северном Загросе (в бассейне Верхнего Заба). Новоассирийские упоминания Кар-Кашши и Сильхази, «крепости сынов Вавилона», в центральной Мидии свидетельствуют о распространении былой экспансии касситской Вавилонии далеко за Загрос и о продолжительности контроля касситской Вавилонией этих областей, включавшего также основание колоний-крепостей. На длительное касситское присутствие в бассейне Верхнего Заба указывают новоассирийские упоминания касситского титула *янзи* как имени или части имени у правителей этого региона. Надпись Агума II и эпическая композиция о Куригальзу II позволяют считать, что отношение касситской династии Вавилона и ее придворной культуры к горным «варварам» северо-востока было более благосклонным, чем у других жителей Месопотамии, что, вероятно, объясняется происхождением самой этой династии.

В докладе *Б.Е. Александрова* (МГУ им. Ломоносова, Москва) «Хеттские эпистолярные тексты из строения А на Бююккале в Богазкёе» была предпринята попытка систематизировать данные о письмах из строения А на Бююккале с целью уточнения истории хранившегося там собрания текстов. Автор показал, что среди писем в строении А преобладают документы времени Хаттусилиса III (ок. 1275–1245 гг. до н.э.), которые отражают различные аспекты политической деятельности этого царя и его супруги Пудухебы, включая заключение династического союза с Египтом, взаимоотношения с сирийскими вассалами и с царствами Верхней Месопотамии. Очевидно, эти тексты представляли особый историко-политический интерес для последних царей Хатти. При реконструкции цитадели во второй половине XIII в. до н.э. Тудхалия IV переместил наиболее важные письма прошлого царствования

в строение *A* из других собраний, оставив в тех на хранение лишь актуальную корреспонденцию.

В докладе *В.Ю. Шелестина* (Москва) «Палеография клинописных текстов из Киццувадны» речь шла о письменных памятниках Киццувадны, которые, невзирая на свою немногочисленность, имеют большое значение для изучения распространения письменности в Анатолии, поскольку хаттусская писцовая школа фактически не оставила места локальным вариантам письменной традиции в Хеттском царстве. Автор рассказал об основных группах текстов из Киццувадны, выделяющихся из общего массива богазкёйских документов, – хетто-киццуваднских договорах на аккадском языке (первая половина XV в. до н.э.) и хеттоязычных ритуалах, записанных «как в Арусне» (XIII в. до н.э.), – и представил анализ их палеографических и орфографических характеристик с целью дать ответ на вопрос о возможности континуитета письменной традиции на территории Киццувадны и её роли в распространении письменности в Малой Азии.

М.Л. Хачикян (Институт востоковедения Национальной академии наук, Ереван, Армения) в своем докладе «Был ли язык хурритской надписи из Уркеша эргативным?» рассмотрела варианты оформления актантов переходного глагола в различных языковых конструкциях в хурритских текстах из Богазкёя и, исходя из данного анализа, интерпретировала засвидетельствованные в древнейшем известном хурритском тексте из Уркеша юссивные формы переходных глаголов с тематическим гласным *-o-* как инверсивные («пассивные»). Тот факт, что в этом тексте в предложениях с прямым порядком слов как субъект, так и объект переходного глагола не маркированы и только в производных конструкциях с инверсивным порядком слов и глаголом в «пассивной» форме субъект получает падежный показатель *-ž*, позволяет, с точки зрения автора, предположить, что язык уркешской надписи отражает доэргативную стадию языка, для которой была характерна падежная неоформленность обоих актантов.

Доклад *А.В. Сафронова* (ИВ РАН, Москва) «Миграции конца позднебронзового века в Эгеиде и Восточном Средиземноморье в исследованиях И.М. Дьяконова и современное состояние изучения темы» был посвящен обзору вышедшей почти полвека назад монографии И.М. Дьяконова «Предыстория армянского народа», автор которой впервые в отечественной историографии затронул широкий спектр вопросов, связанных с этнополитическими процессами XIII–XII вв. до н.э. в Западной Анатолии и Восточном Средиземноморье, а также с миграциями «народов моря». В докладе выводы И.М. Дьяконова были сопоставлены с современными научными взглядами на проблемы идентификации египетских этнонимов «народов моря», датировки «Анналов» Тудхалии и экспансии хеттов на запад Малой Азии во второй половине XIII в. до н.э., локализации страны Аххиявы, роли фрако-фригийцев в разрушении Хаттусы, а также историчности Троянской войны.

И.Н. Медведская (ИВР РАН, Санкт-Петербург) посвятила свой доклад «Урарты в приурмийском районе (Иран)» анализу керамики VII в. до н.э. из приурмийских районов. По мнению археологов, несмотря на свидетельства письменных источников об изгнании Саргоном II урартов с западного и юго-западного побережья Урмии в 714 г. до н.э., наличие в этом регионе урартской керамики VII в. до н.э. свидетельствует о том, что и после похода Саргона урарты оставались на этих землях. И.Н. Медведская показала, что в действительности здесь преобладает местная керамика, многие типы которой существовали в до-урартский период, или керамика, распространенная во многих других областях древнего Востока и, возможно попавшая на берега Урмии независимо от урартов. При этом в VII в.

до н.э. нет характерной для урартов керамики, использовавшейся для хранения и раздачи провианта в урартских гарнизонах (пифосов, кувшинов для вина, курильниц, светильников), нет и сигарообразных сосудов для изготовления пива. Таким образом, керамика не подтверждает присутствие в VII в. до н.э. в приурмийском районе носителей урартской керамической традиции.

В докладе *С.Ф. Адалы* (Университет социальных наук, Анкара, Турция) «Скифское государство на древнем Ближнем Востоке в VII в. до н.э.» был дан анализ свидетельств о скифах, содержащихся в клинописных источниках из Ассирии эпохи правления Асархаддона (681–669 гг. до н.э.), с целью определить военные и политические цели скифских царей. Также были рассмотрены свидетельства о взаимоотношениях Ассирии с соседними странами, в частности, Табалом (Каппадокией), Урарту, Мидией, киммерийцами. С точки зрения автора, данные, полученные в результате этого анализа, позволяют пересмотреть традиционные взгляды на политические и военные события на древнем Востоке в VII в. до н.э., связанные с присутствием скифов.

В последний день работы конференции, 15 января, были представлены следующие доклады.

Центральной фигурой доклада *Н.А. Май* (Свободный университет, Берлин, Германия) «Ученый и политика: колофоны Набу-зукуп-кену и идеология Саргона II» стал выдающийся ассирийский ученый и писец высокого ранга при дворе Саргона II Набу-зукуп-кену. Реформы, происходившие в эпоху Саргона II, коснулись различных областей управления империей, в том числе делопроизводства и царских надписей. Эта реорганизация кроме практических целей имела идеологическую подоплеку. Появление в Ассирии южно-месопотамской традиции датировок по году правления царя параллельно с традиционно ассирийской датировкой по эпохам было одним из проявлений централизации власти. Нехарактерные для Ассирии датировочные формулы использовались теми, кто принадлежал к писцовой элите империи. Исследование колофонов Набу-зукуп-кену и его круга доказывает непосредственное влияние этого ученого на идеологию империи.

Особенности политики нововавилонских царей рассмотрела в своем докладе «Земельные владения царской семьи в нововавилонский период» *О.В. Попова* (Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Франция). Нововавилонская царская династия происходит, по всей вероятности, из Урука. Несмотря на то, что семья обустраивается в Вавилоне, на протяжении всего периода она сохраняет тесную связь с югом империи. Дочери Навуходоносора II принимают активное участие в жизни храма Эанна в Уруке, его зять Нергал-шар-уцур (Нериглиссар) имеет земельные владения на юге, а дочь Набонида становится верховной жрицей храма Экишнугаль в Уре. Автор ставит вопрос о том, является ли это просто способом сохранить связь с местом происхождения или же предоставление земельных владений членам царской семьи по всей территории Вавилонии было продуманной политикой нововавилонской династии, нашедшей продолжение в период Ахеменидов.

Доклад *Н.О. Чехович* (ИВР РАН, Санкт-Петербург) «О походе Набонида в Тейму» был посвящен походу вавилонского царя Набонида в арабийский город Тейму, а также опубликованным недавно источникам, позволяющим уточнить его маршрут, причины и хронологию. Царские надписи Набонида, изданные Х. Шаудигом в 2001 г. подтверждают предположение, что царь шел через Заиорданье прямо в Аравию, преодолевая сопротивление там, где оно оказывалось, достиг Ятриба (ныне Медина), но остановился в Тейме. Говоря о причинах похода, помимо бесспорного

желания Набонида контролировать торговые пути, особое внимание, по мнению автора, следует обратить на его болезнь, упоминаемую во многих источниках. Именно с ней, возможно, было связано стремление Набонида в Аравию (известно, что цейлонская корица помогает, например, инсулинозависимым больным диабетом), а также и то обстоятельство, что царь не возвращался в Вавилон около 10 лет, оставаясь в Тейме. В докладе была предложена более точная датировка начала похода: вместо принятой в науке приблизительной даты «между 3 и 6 годами» – вторая половина 5-го года правления Набонида.

В докладе *А.В. Немировской* (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Ханаанский консонантизм в свете происхождения западносемитского алфавита» было опровергнуто общепринятое представление, что 22 графемы ханаанского алфавита адекватно отражают реальный консонантный состав ханаанских языков I тыс. до н.э. (финикийского и древнееврейского). Сам консонантный характер этого письма, по мнению автора, должен свидетельствовать о том, что оно не было изобретено носителями ханаанских языков, поскольку система письма, пренебрегающая вокализмом, не могла быть адекватна семитской морфологии, основанной на трансфиксации с обязательным вокалическим компонентом. Как полагает А.В. Немировская, совокупность аргументов исторического и филологического характера позволяет заключить, что ханаанское консонантное письмо появилось в результате адаптации египетской новоорфографической практики левантийскими писцами, обладавшими египетской писцовой выучкой. 22 западносемитские буквы не столько точно отражали реальный ханаанский консонантный состав, сколько были обусловлены особенностями египетской передачи разных семитских консонантов (гортанных, сибилянтов и эмфатиков) одними и теми же знаками.

К социальной истории Южной Аравии обратился *С.А. Французов* (ИВР РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Наследницы в Эмаре и древнем Йемене: к вопросу об эмаритском влиянии на южноаравийскую цивилизацию». Анализ лингвистического материала, полагает автор, показывает, что истоки древнейеменской цивилизации имеют сиро-палестинские корни, их следует искать в городе-государстве Эмар на Евфрате. Цель доклада состояла в том, чтобы понять, было ли при этом эмаритское общество типологически схоже с древнейеменским. Недавно опубликованная подборка эмаритских юридических текстов, связанных с наследственным правом, показывает, что общество в Эмаре, как и в древней Месопотамии в целом, было патриархальным, при отсутствии наследников-мужчин женщина могла получить наследство, только обретя формальный статус старшего мужского родственника в семье. Что касается древней Южной Аравии, то здесь отмечены такие явления, как матрилинейность и матрилокальность; кроме того, местные женщины обладали влиянием в социально-экономической сфере.

В докладе *М.М. Юнусова* (ИВР РАН, Санкт-Петербург) «Коллекция пунических стел Государственного Эрмитажа: состав и происхождение» был сделан обзор эрмитажного собрания финикийских стел. В музее хранится 34 стелы, относящиеся к последним векам до новой эры. Условно они определяются по месту находки: карфагенские или гадруметские (совр. Сус в Тунисе). За исключением двух стел с изображением животных, все они посвящены частными лицами традиционным пуническим богам Баал Хаммону и Таннит. В основе коллекции лежит личное собрание Ю. Эйтинга, немецкого востоковеда и путешественника, впервые опубликовавшего эти и ряд других стел из Санкт-Петербурга в 1871 г. Автор полагает, что все стелы были переданы Ю. Эйтингом в дар Азиатскому музею в Санкт-Пе-

тербурге не позднее 1880 г., а в 1938 г. поступили на хранение в Государственный Эрмитаж.

А.И. Янковский (Фонд «Александр», Санкт-Петербург) посвятил свой доклад «Очарование Уммы» проблеме сохранения древних памятников на территории Ирака. Речь в докладе шла о провинции Ди Кар на юге страны, где расположено 700 официально зарегистрированных и сотни незарегистрированных археологических памятников. Городища Умм Аль-Акариб и Джоха, под которыми предположительно скрывались шумерские города Умма и Гиша(?), большую часть XX в. были скрыты подвижными дюнами. В 1990-е годы дюны сошли, и памятники открылись как для археологов, так и для грабителей. После того, как в 2003 г. рухнуло иракское государство, прекратились государственные закупки урожая, крестьяне в массовом порядке обратились к грабежу раскопок, который достиг невиданных ранее масштабов. Нелегальная торговля древностями стала важным источником средств для покупки оружия в гражданском конфликте. Противостояние грабежу Джохи было особенно драматичным; это история неравной борьбы как отдельных героических личностей, так и государственных организаций с антропогенным хаосом.

Mariam M. Dandamaeva
State Hermitage Museum,
St. Petersburg, Russia
scientia@hermitage.ru

Natalia V. Koslova
State Hermitage Museum,
St. Petersburg, Russia
nkoslova@hermitage.ru